

УДК 340.111.57

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ: СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
megadelicious@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется сущность приема юридической фикции. На основе анализа действующего гражданского законодательства Российской Федерации автором установлены способы применения юридической фикции в гражданском праве. Обосновано, что юридическая фикция находит выражение в конструкции юридического лица и институте фиктивных сделок. Прием юридической фикции применяется для распространения правового режима одного объекта на другой объект, а также правового статуса одного субъекта на другой субъект. Кроме того, юридическая фикция используется, когда необходимо преодолеть ситуацию правовой неопределенности (неизвестности), признать реальными несуществующие обстоятельства в целях восстановления нарушенных прав лиц, пострадавших в результате действий недобросовестных участников гражданского оборота. Наконец, прием юридической фикции широко используется законодателем в целях юридической экономии. В результате проведенного исследования сделан вывод о значении приема юридической фикции для процесса правотворчества.

Ключевые слова: юридическая фикция, юридическое лицо, доктрина «снятия корпоративной вуали», фиктивные сделки, мнимая сделка, притворная сделка.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2021). Юридическая фикция: способы применения в гражданском праве Российской Федерации. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 121-130. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.121-130.

LEGAL FICTION: METHODS OF APPLICATION IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
megadelicious@yandex.ru

Abstract. The article examines the essence of legal fiction. Based on an analysis of the current legislation of the Russian Federation, the author has established ways of using legal fiction in civil law. It has been substantiated that legal fiction finds expression in the construction of a legal entity and the institution of fictitious transactions. Legal fiction is used to extend the legal regime of one object to another object, as well as the legal status of one subject to another subject. Legal fiction is used when it is necessary to overcome a situation of legal uncertainty, to recognize as real non-existent circumstances to restore the violated rights of persons who have suffered as a result of the actions of unscrupulous participants in civil-law transactions. Finally, the method of legal fiction is widely used by the legislator the legal economy. As a result of the study, a conclusion was made about the importance of legal fiction for the process of lawmaking.

Keywords: legal fiction, legal entity, the doctrine of "piercing the corporate veil", fictitious transactions, mock transaction, sham transaction.

For citation: Artemova, A.N. (2021). Legal fiction: methods of application in the civil law of the Russian Federation. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 121-130. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.121-130.

Юридическая фикция (от лат. *fictio* – выдумка, вымысел) представляет собой прием юридической техники, используемый в правотворчестве и правоприменении, суть которого состоит в признании заведомо ложного положения истинным в целях восполнения пробелов в праве, юридической экономии, распространения одного правового режима на несколько правовых явлений.

Исторически появление фикции как приема юридической техники связано с деятельностью преторов – должностных лиц Римской республики, отвечавших за гражданское судопроизводство. Особенностью римского гражданского права (*ius civile*) являлась его консервативность, приверженность старым традициям. Вместе с тем развитие общественных отношений требовало их правового оформления в соответствии с потребностями времени. Нежелание вносить изменения в сложившееся гражданское право, с одной стороны, и необходимость разрешения споров, не подпадающих под имеющееся правовое регулирование – с другой, обусловили появление уникального средства юридической техники – юридической фикции. Претор формулировал, так называемые, фиктивные иски, формулы которых содержали «указание судье присоединить к наличным фактам определенный несуществующий факт или устранить из них какой-либо факт, а весь случай разрешить по образцу другого определенного случая» [Римское частное право, 2000, с. 32]. Таким образом, к нуждавшимся в правовом регулировании общественным отношениям посредством юридической фикции применялись нормы права, регулирующие сходные отношения. Такой прием, в силу своей простоты и эффективности, являлся одним из наиболее востребованных инструментов римской юридической техники [Ширвиндт, 2011, с. 3].

Впоследствии в результате рецепции римского права юридические фикции нашли отражение в континентальной правовой системе. Несмотря на собственные пути развития, имевшие свои особенности, англосаксонская и мусульманская правовые системы также восприняли прием юридической фикции. Как справедливо отмечает И. В. Филимонова, «к каким бы национальным правовым системам ни обращались, в какой бы то ни было промежуток времени их существования везде в том или ином виде приходится сталкиваться с юридическими фикциями» [Филимонова, 2012, с. 8]. Широкое применение юридической фикции объясняется ее простотой и эффективностью, позволяющей разрешать сложные правовые ситуации на основе имеющихся правовых средств.

Юридические фикции сохраняют свою актуальность по сей день. Нормы, построенные с использованием фикции, содержатся и в Гражданском кодексе Российской Федерации. Анализ отечественного гражданского законодательства позволяет выделить следующие способы применения юридической фикции: 1) конструкция юридического лица; 2) институт фиктивных сделок; 3) распространение правового режима одного объекта на другой объект; 4) распространение правового статуса одного субъекта на другой субъект; 5) преодоление

ситуации правовой неопределенности (неизвестности); б) признание реальными несуществующих обстоятельств (отрицание реально существующих); 7) в целях юридической экономии.

Начать следует с конструкции юридического лица (п. 1 ст. 48 ГК РФ). Этому гениальному изобретению юриспруденции мы также обязаны римскому праву. Потребность участия в гражданском обороте различных коллективных образований привела к уподоблению союза лиц единому лицу для возможности его участия в гражданском обороте как самостоятельного субъекта права, независимого от входящих в его состав членов. Значение юридического лица, этой «стройной в своей простоте конструкции» [Каминка, 2007, с. 284], для гражданского права сложно переоценить. Конструкция юридического лица позволяет отделить личность компании от личностей входящих в ее состав физических лиц для удобства участия в различных правоотношениях с другими субъектами права, объединять капиталы для совместного ведения бизнеса, инвестировать в рискованные проекты, не опасаясь отвечать в случае неудачи всем своим личным имуществом и др.

Вместе с тем при всем удобстве этой правовой конструкции нельзя забывать о том, что юридическое лицо суть «искусственное создание» [Васьковский, 2003, с. 107], правовая фикция, служащая для представления интересов физических лиц. В этой связи воля юридического лица как необходимая предпосылка приобретения и осуществления своих гражданских прав представляет собой такую же фикцию, «условность, обеспечивающую нормальное функционирование этого субъекта в гражданско-правовых отношениях» [Михалев, 2015, с. 39].

Юридическое лицо не может обладать волей, поскольку воля есть продукт психики человека, выражающийся в сознательной направленности действий для достижения определенной цели. Воля юридического лица формируется контролирующими его лицами. На данное обстоятельство указывают внимание и судьи. В частности, как было указано в одном из решений Арбитражного суда Краснодарского края, «поскольку юридическое лицо является продуктом юридической техники (правовой фикцией), волю юридического лица выражают физические лица, в пределах компетенции наделенные полномочиями по управлению его делами путем формирования группового или единоличного волеизъявления»¹.

Фиктивная сущность юридического лица и формирование его воли физическими лицами несут в себе риск использования конструкции юридического лица в противоправных целях контролирующими его лицами [Артемова, 2018, с. 101-107]. Ответом на проблему недобросовестного использования конструкции юридического лица стала доктрина «снятия корпоративной вуали», которая предполагает возможность игнорирования самостоятельной правосубъектности юридического лица в ситуациях, когда имеет место недобросовестность (злоупотребление правом) [Артемова, 2019, с. 36-42].

¹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 12 апреля 2021 г. по делу № А32-55241/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/47ab949a-be4e-4758-a067-a81a96a0c605/78605afb-83c8-461b-8c3f-0167a7b62077/A32-55241-2020_20210413_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.05.2021).

Верховный Суд штата Техас в решении по делу *Castleberry v Branscum* (1986 г.) выделил шесть случаев недобросовестного использования конструкции юридического лица, когда применение доктрины «снятия корпоративной вуали» оправдано: 1) когда фикция используется как средство для совершения обмана; 2) когда корпорация создана и используется как простой инструмент или бизнес-посредник другой корпорации; 3) когда к корпоративной фикции обращаются как к средству для обхода существующего юридического обязательства; 4) когда корпоративная фикция используется, чтобы установить монополию; 5) когда корпоративная фикция используется для обхода закона; и 6) когда на корпоративную фикцию опираются для сокрытия преступления или правонарушения². Результатом «снятия корпоративной вуали» может быть привлечение контролирующих корпорацию лиц к ответственности по обязательствам подконтрольной им корпорации или, наоборот, – привлечение корпорации к ответственности по обязательствам контролирующих ее лиц.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» находит отражение и в отечественной правоприменительной практике с опорой на статью 10 Гражданского кодекса РФ, содержащую запрет злоупотребления правом. Так, Арбитражный суд Краснодарского края отметил: «правовые свойства и качества, которыми обладает один субъект – юридическое лицо, могут быть при соблюдении определенных предпосылок вменены другому субъекту – участнику юридического лица. Такой предпосылкой является явное злоупотребление гражданскими правами, действия в обход закона. Свойства юридической личности могут быть поставлены под сомнение, если единственный участник и руководитель общества, совершая недобросовестные действия, преследует удовлетворение собственных корыстных интересов»³.

Следует подчеркнуть, что сама по себе фиктивная сущность юридического лица не является противоправной. «Снятие корпоративной вуали» должно происходить только в том случае, когда имеет место злоупотребление правом при использовании конструкции юридического лица.

Что касается фиктивных сделок, данный термин использовался [Дормидонтов, 1895, с. 70] и продолжает использоваться [Бежецкий, 2011, с. 9-14] в литературе для обозначения сделок с пороком воли. К таким сделкам относятся мнимые (п. 1 ст. 170 ГК РФ) и притворные сделки (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Как известно, сделка представляет собой волеизъявление лица, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В случае с фиктивными сделками имеет место лишь «внешняя видимость волеизъявления при фактическом отсутствии воли, характерной для совершаемой сторонами сделки» [Бобровская, Бежецкий, 2012, с. 10], имитация волеизъявления сторон для создания видимости возникновения гражданского правоотношения в отсутствие

² *Castleberry v Branscum* 721 S W 2d 271 (Tex. 1986) [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/texas/supreme-court/1986/c-4536-0.html> (дата обращения: 11.05.2021).

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06 августа 2014 г. по делу № А32-1966/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a518ca48-f967-4086-bc08-a095f226204c/f09edd49-0da3-4644-a476-5598d3e6696f/A32-1966-2014_20140806_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

такового (мнимая сделка) или создания видимости возникновения иного правоотношения, чем то, что подразумевалось в действительности сторонами (притворная сделка). Таким образом, действительная воля сторон и их волеизъявление не совпадают.

Применительно к таким сделкам фиктивность проявляется в том, что видимость правоотношения, созданная сторонами фиктивной сделки, не соответствует действительности. Хотя внешне такие действия и отвечают требованиям закона, цели их совершения всегда противоправны. По этой причине фиктивные сделки признаются законом ничтожными: результатом совершения таких сделок выступает нарушение прав и законных интересов других участников гражданского оборота.

Так, распространенной на практике мнимой сделкой является сделка, совершенная без намерения отчуждения имущества, а направленная на вывод имущества из конкурсной массы несостоятельного должника с целью причинения вреда кредиторам. Примером может служить дело о признании недействительным договора купли-продажи транспортного средства и применении последствий признания сделки недействительной в виде возврата спорного имущества в конкурсную массу должника, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа г. Санкт-Петербург⁴. Судом было установлено осуществление цепочки сделок договоров купли-продажи автомобиля по цене значительно ниже рыночной. Стороны не смогли объяснить суду разумные экономические мотивы такого поведения. При этом на момент заключения договора купли-продажи должник был неплатежеспособным (имелись неисполненные обязательства перед банком). Суд расценил действия сторон по заключению договоров купли-продажи автомобиля в качестве спланированной схемы по выводу имущества из конкурсной массы должника и пришел к правомерному выводу о наличии оснований для признания договоров недействительными в соответствии со статьей 170 ГК РФ.

Другой целью совершения мнимой сделки может быть вывод совместно нажитого имущества из имущества, подлежащего разделу супругами. В практике Хабаровского краевого суда имеется следующее дело. В период брака супругами был приобретен автомобиль «Toyota Land Cruiser Prado». Впоследствии супруги обратились в суд для раздела совместно нажитого имущества. На момент обращения в суд автомобиль уже был продан супругом третьему лицу по договору купли-продажи. В этой связи супруга не заявляла требований в отношении данного имущества. Однако спустя полтора года истице стало известно, что автомобиль фактически остался в пользовании у ответчика. Данный факт стал основанием для обращения в суд с заявлением о признании сделки купли-продажи автомобиля недействительной для последующего обращения в суд с заявлением о включении данного автомобиля в состав совместно нажитого имущества и его раздела.

Признавая договор купли-продажи автомобиля недействительным, суд пришел к выводу о том, что сделка купли-продажи автомобиля была совершена для вида, намерение сторон направлено на достижение иных правовых последствий, а именно вывода части совместно нажитого имущества супругов из имущества, подлежащего разделу. При

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 июня 2020 г. по делу № А56-78684/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/df363250-c00c-4662-8bd8-a7557ef21e67/6063f1d0-8b41-4b88-b16a-a39ecd64ef6c/A56-78684-2017_20200611_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.05.2021).

совершении данной сделки воля обеих сторон не была направлена на возникновение, изменение, прекращение соответствующих гражданских прав и обязанностей, а направлена на создание у третьих лиц ложного представления о намерениях участников сделки⁵.

Примером притворной сделки может служить совершение договора купли-продажи с ценой договора на большую сумму, чем указано в самом договоре, с целью уклонения от уплаты налога на доход. Таким образом, воля сторон направлена на совершение сделки по одной цене, но эта сделка прикрывается другой – притворной сделкой на меньшую сумму.

Следующим способом использования приема юридической фикции является распространение режима одного объекта на другой. В качестве примера можно привести распространение правового режима недвижимого имущества на воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. По общему правилу к недвижимым вещам относится то, что прочно связано с землей, в частности земельные участки, здания, сооружения, квартиры и т.д. (пп. 1 п. 1 ст. 130 ГК РФ). Однако пп. 2 данного пункта установлено, что к недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Несмотря на то, что данные объекты очевидно не имеют прочной связи с землей, посредством юридической фикции их правовой статус приравнен к недвижимым вещам, то есть за истину принято заведомо ложное утверждение.

Законодатель применяет прием юридической фикции и в отношении субъектов права: для распространения правового статуса одного субъекта на другой. Так, лица, входящие в состав органов юридического лица (в частности, директор, генеральный директор, члены правления, дирекции, совета директоров, наблюдательного совета), обязаны действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Закрепление такой обязанности обусловлено наличием у данных лиц возможности определять действия юридического лица (формировать и выражать его волю). За нарушение данной обязанности предусмотрена ответственность: если юридическое лицо понесло убытки вследствие недобросовестных и (или) неразумных действий членов органов управления юридического лица, такие лица обязаны возместить убытки, причиненные юридическому лицу по их вине (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ).

Однако реальность такова, что определять действия юридического лица могут также лица, не входящие в состав органов управления. Такие «теневые директора» не имеют никакой формально-юридической связи с компанией, однако именно по их указанию действует члены органов управления. Данная возможность может быть обусловлена некими фактическими обстоятельствами, например, неформальными личными отношениями. Наличие у таких лиц возможности использовать корпорацию в противоправных целях и невозможность привлечь их к ответственности противоречила бы принципу равенства участников гражданского оборота. Как справедливо отмечает К. А. Михалев, «для лиц, имеющих одинаковые возможности, должны существовать одинаковые правила» [Михалев, 2015, с. 51]. Дабы восполнить данный пробел, законодатель обратился к приему юридической фикции и распространил правовой статус членов органов управления юридического лица на

⁵ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 05.11.2019 по делу N 33-7998/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17822525&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 11.05.2021).

лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, закрепив для таких лиц обязанность действовать в интересах корпорации разумно и добросовестно и ответственность за ее нарушение (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ).

Ситуация неопределенности имеет место, когда конкретные юридические факты, имеющие значение для осуществления лицами прав и исполнения обязанностей, неизвестны и не могут быть установлены. В этом случае законодатель прибегает к юридической фикции с целью преодоления ситуации неопределенности и признает в качестве истины положение, которое в реальности таковым не является. Так, в соответствии, п. 3 ст. 45 ГК РФ днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. Объявление гражданина умершим является юридическим фактом, который служит основанием для прекращения брака (п. 1 ст. 16 СК РФ) и открытия наследства (ст. 1113 ГК РФ). Таким образом, применение юридической фикции в данной ситуации позволяет гражданам реализовать свои права на прекращение брака и вступление в наследство в условиях, когда установить настоящий день смерти гражданина не представляется возможным.

Фикция может использоваться также для признания определенных обстоятельств, несуществующих в действительности, существующими и наоборот в целях восстановления нарушенной справедливости. Так, п. 3 ст. 157 ГК РФ предусмотрено правило, в соответствии с которым условие, в зависимость от которого стороны поставили возникновение или прекращение прав и обязанностей, признается наступившим, если его наступлению недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно. Если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим. Подобные фикции получили распространение в обязательственном праве, основанном на принципе добросовестного исполнения обязательства. В силу п. 3 ст. 307 ГК РФ стороны обязаны действовать добросовестно как при установлении и исполнении обязательства, так и после его прекращения, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства. В этой связи недобросовестность одной стороны дает основание для применения фикции, позволяющей восстановить права другой стороны.

Наконец, к приему юридической фикции законодатель прибегает в целях юридической экономии. Так, фикции получили широкое распространение в нормах, регулирующих сроки в гражданском праве. Например, если окончание срока, исчисляемого месяцами, приходится на такой месяц, в котором нет соответствующего числа, то срок истекает в последний день этого месяца (п. 3 ст. 192 ГК РФ). В качестве примера использования юридической фикции в целях юридической экономии можно привести также положение п. 2 ст. 1114 ГК РФ, в соответствии с которым граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно. Целесообразность закрепления такого правила обусловлена тем, что установить конкретный момент смерти на практике не всегда возможно. В этой связи признание факта одновременной смерти лиц,

которые в действительности могли погибнуть с разницей в несколько минут, позволяет избежать возможных споров, связанных с определением наследственного правопреемства лиц, умерших в один и тот же день.

Приведенные примеры – лишь часть огромного массива юридических фикций, находящихся закрепление в гражданском праве России. Вместе с тем они наглядным образом демонстрируют тот мощный потенциал, который заложен в юридических фикциях. Значение приема юридической фикции для правотворчества сложно переоценить. Благодаря юридическим фикциям законодатель преодолевает ситуацию правовой неопределенности, когда она выступает препятствием к регулированию общественных отношений; экономит юридические средства, достигая нужного правового результата с минимальными усилиями; восполняет пробелы в праве, являющиеся неизбежным результатом развития общественных отношений; защищает права лиц, пострадавших в результате недобросовестного поведения других участников гражданского оборота. Таким образом, юридическая фикция служит надлежащей реализации назначения гражданского права в современном обществе.

Список литературы / References

Артемова, А. Н. (2019). Доктрина «снятия корпоративной вуали» как ответ на злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию. *Юрист*. № 11. С. 36-42. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-11-36-42

Artemova, A. N. (2019). The doctrine of lifting the corporate veil as a response to the abuse of right by entities controlling a corporation. *Jurist*. no 11. pp. 36-42. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-11-36-42 (In Russ.)

Артемова, А. Н. (2018). Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия корпоративной вуали». *Российский юридический журнал*. № 1. С. 101-107.

Artemova, A. N. (2018). The fictitious nature of a legal entity as the basis for applying the doctrine of “piercing the corporate veil”. *Russian judicial journal*. no 1. pp. 101-107 (In Russ.)

Бежецкий, А. Ю. (2011). К вопросу о фиктивных сделках. *Юрист*. № 24. С. 9-14.

Bezhetkiy, A. Yu. (2011). On the issue of fictitious transactions. *Jurist*. no 24. pp. 9-14. (In Russ.)

Бобровская, О. Н., Бежецкий, А. Ю. (2012). Фиктивные сделки и их юридические последствия в группе оснований недействительности сделки. *Юрист*. № 2. С. 8-12.

Bobrovskaya, O. N., Bezheckij, A. Yu. (2012). Fictitious transactions and juridical consequences thereof in the group of grounds of invalidity of transaction. *Jurist*. no 2. pp. 8-12. (In Russ.)

Васьковский, Е. В. (2003). *Учебник гражданского права*. М. Статут.

Vaskovsky, E. V. (2003). *Textbook of civil law*. Moscow. (In Russ.)

Дормидонтов, Г. Ф. (1895). *Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций*. Казань.

Dormidontov, G. F. (1895). *Classification of the phenomena of legal life, attributed to the cases of the use of fictions*. Kazan. (In Russ.)

Каминка, И. А. (2007). *Очерки торгового права*. М. Зерцало.

Kaminka, I. A. (2007). *Essays on commercial law*. Moscow. (In Russ.)

Михалев, К. А. (2015). *Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением*. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург.

Mikhalev, K. A. (2015). *Protection of the rights of creditors of an economic society from the use of the structure of a society in contradiction with its purpose*. Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg. (In Russ.)

Римское частное право: учебник. (2000). Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. Юриспруденция.

Novitsky, I. B., Peretersky, I. S. (eds.). (2000). *Roman private law: textbook*. Moscow. (In Russ.)

Филимонова, И. В. (2012). *Юридические фикции в праве стран Запада и Востока: историческое наследие: монография*. М. Юрлитинформ.

Filimonova, I. V. (2012). *Legal fictions in the law of the countries of the West and the East: historical heritage: monograph*. Moscow. (In Russ.)

Ширвиндт, А. М. (2011). *Значение фикции в римском праве*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.

Shirvindt, A. M. (2011). *The value of fiction in Roman law*. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Артемова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: megadelicious@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021

После доработки: 20.05.2021

Принята к публикации: 07.06.2021

Artemova Anastasiia – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: megadelicious@yandex.ru

The paper was submitted: 30.04.2021

Received after reworking: 20.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021